

Правый поворот на красный свет светофора

Борис Докторов

Шесть тысяч дней

Готовы ли вы пролистать 6000 ваших последних дней? День за днем? Без пропусков. Радостных и трагических, наполненных событиями и как-бы пустых, долгих и коротких, когда все шло "в масть" и когда все было наперекосяк, дни — долго ожидавшиеся и как бы случайно оформившиеся, дни — приобретения и дни-потери и т.д. Трудно представить, что такое 6000 дней? Привычнее измерять протяженность годами.

Представьте, что только завершился сентябрь 2010 года, а теперь перенеситесь мысленно в конец апреля 1994 года. Вот это и есть шесть тысяч дней. Теперь стало яснее, проще? Хорошо. Итак, день за днем. Можно начинать из прошлого и двигаться вперед, можно начинать сегодня и двигаться назад. Если на воспоминание одного дня затратить минуту, то ваши воспоминания займут ровно 100 часов.

И все же перенесемся на 6000 дней в прошлое.. Могли ли вы тогда представить, что к сегодняшнему дню ваша жизнь будет разматываться так, как это было в действительности? А хотели ли бы вы, чтобы все произошло так, как произошло? Чего больше: дней, которые не хотелось бы вспоминать или которые вы готовы вспоминать и вспоминаете?

Существует то, что выше наших сил, выше наших возможностей, и потому многое происходило не потому, что мы так хотели. Однако мы обязаны были и это впустить в свою жизнь. Но многое произошло так, потому что мы что-то сделали не так или вообще не сделали.

Почему я обо всем этом спрашиваю? Почему я называю именно 6000 дней?

Записывая события моего первого дня в Америке, я непроизвольно зафиксировал не только дату, но отметил: "День первый". Так и повелось, и прошедшее 2 октября оказалось 6000-м днем.

Могу ли я пролистать дни от №1 к №6000 или наоборот? Формально — "да", день за днем. Точнее, почти день за днем, изредка я не смог зафиксировать происходившее. Но счетчик дней "тикал" постоянно.

Хочу ли я пролистать эти состоявшиеся 6000 дней?

Пожалуй, нет... но, может быть, когда-нибудь я приму хорошо "для храбрости" и загляну в мое 6000-дневное прошлое...

Америка — не скучная страна.

Случившееся сегодня — просится на бумагу. История — обидная, но, думается, такое возможно лишь в Америке.

Приехал я в три часа дня в одно присутственное место, удалось быстро справиться, и я планировал заехать еще в пару мест и вернуться к своему любимому компьютеру. Однако, впервые за лет семь-восемь моя машина не завелась. Вообще-то положено регулярно в нее что-то заливать, где-то подмазывать, что-то еще, но я ничего этого не делаю. Просто время от времени заезжаю на станцию обслуживания.

Так вот, но морально и документально я оказался готов к ЧП. Морально — надо всегда, документально — если это касается машины, тоже. Звоню в страховую фирму. Почему-то я думал, что она где-то в наших местах, но нет. Меня спрашивают не только улицу, на которой я припаркован, но город и штат. Все сообщил. Мне говорят, через несколько минут вам позвонит автоматическая служба контроля выполнения заказа. Точно, звонят. И начинается чисто американское: если вам надо это, нажмите "1", если другое, нажмите "2". Нажимаю.. наконец: "Хотите ли вы узнать, когда к вам придет машина, которая вас

отвезет на ремонт?", если "да", нажмите "1". Нажал, слышу "Через час и 15 минут". Если хотите прослушать наше сообщение еще раз, нажмите "1". Начал ждать.

Но мне сказали, через полчаса позвоним, подтвердим. Позвонили, подтвердили, сказали, машина будет через 45 минут. Действительно, минут через 40 звонят, уже не автомат, женский голос. Подъезжаем. Точно, вижу машину, подъезжают, припарковываются рядом со мною. В ней — мужчина американского вида (белый, высокий, уверенный в себе) и женщина — симпатичная филиппинка, лет 30+, минимум лет на десять моложе его, в черных очках и совсем коротких шортах. Его жена, она работает с ним. Подцепили они мою машину и спрашивают, поеду ли я с ними. Отвечаю, что поеду.

У меня есть контракт на ремонт с "Тойотой", я объяснил, куда ехать Поехали, я сижу с ними в кабине, втроем, значит.

Женщина с заметным акцентом (с тем или иным акцентом говорит большинство калифорнийцев) спрашивает меня, откуда я. Отвечаю: "Из России"... едем дальше (а нам ехать минут 25) о чем-то говорим. Мужчина спрашивает: "Ты — еврей?". Говорю, да, мои родители были евреями, а я — по национальности — еврей, но в синагогу не хожу. Он говорит, что он протестант, но в церковь не ходит. И вдруг... филиппинка говорит: "Я — тоже еврейка". Мама родная, думаю, верно поется: "евреи, кругом одни евреи...". Оказывается, она жила и кончала школу в Израиле. Она, действительно, филиппинка. Потом показала паспорт — израильский. Я говорю, никогда не видел филиппинских евреев, она сказала, что их действительно мало. Тем временем мы приехали, это было уже около шести вечера.

Быстро поставили машину на парковку, завтра утром мне будет звонить мастер. У меня многое оплачено страховкой, но я готов к тому, что он запросит тоже немало. Шофер (муж) спрашивает, где я живу, я объясняю, он говорит, мы тебя доведем до дому. При этом на оплату даже не намекает. Едем, я — доволен, скоро буду дома. Обратном едем уже по фривею, быстро, и вдруг он говорит: "Я — японец". У меня челюсть отъехала. Я говорю, никогда бы не сказал. Оказалось, что он родился в Японии, где его отец служил в американских войсках. Когда он показывает свой паспорт в аэропортах, все удивляются. Ведь в Америке нет национальности, где кто родился, такая у него и национальность.

Да, говорю, такое бывает только в Америке. В кабине машины едут люди с такими интересными судьбами.

Довезли они меня до дому, попросил я их подождать меня пару минут, принес ей коробку конфет, ему бутылку коньяка. Они ничего не ожидали. Я сказал, что тоже не ждал такого доброго отношения. Дали мне "визитку", если что — могу звонить, у них мастерская по ремонту автомобилей.

Вот так, а в России говорят, что Америка — скучная страна. Как сказать. Кому как.

Меняющиеся здания "Оракла" и убегающий Смольный собор

Свыше десяти лет я несколько раз в неделю проезжаю мимо монументального комплекса зданий глобальной компьютерной корпорации "Оракл" (Oracle Corporation) — когда выхожу с фривея-101 на восток и когда возвращаюсь на эту скоростную дорогу. И каждый раз восхищаюсь ими. Много лет хранится в моей памяти тайна легкого и одновременно величественного Смольного собора в Петербурге. И вдруг ощущения, вызываемые чудом архитектуры конца XX века, и воспоминания о здании Растрелли, выстроенном в середине XVIII века,

встретились во мне. И подружились. Причиной этой доброй встречи стала бело-серая облачность, нетипичная для летнего утра Калифорнии, но присущая Петербургу. В то утро я увидел здания "Оракла" так, как никогда ранее, и они напомнили мне Смольнинский ансамбль.

1.

Штаб-квартира фирмы "Оракл" расположена в Redwood Shores и является архитектурным центром этой застраиваемой территории. Комплекс вырос фактически в "чистом по-

Здания корпорации "Оракл" при разной освещенности

ле", и несколько позже там начала складываться городская инфраструктура и открываться новые фирмы, в основном из dot.com индустрии. "Оракл" — одна из составляющих всемирной известности Кремниевой долины, а Redwood Shores — ее северная оконечность.

Шесть высотных зданий "Оракла" стоят по трем берегам превращенной в небольшое озеро заводи Сан-Францисского залива. Их расположение, конструкция и облицовка порождают удивительную пространственную и цветовую подвижность, переменчивость, воздушность всего этого комплекса. В нем нет и капли статичности.

В совокупности зданий присутствуют скрытая симметрия и легко обнаруживаемая асимметрия. Сложены они из одних и тех же элементов: параллелепипедов, башен и полубашен, но каждое из них неповторимо. В одном случае башни стоят по бокам параллелепипеда, в другом — заключены между двух параллелепипедов. Одни сферические поверхности обращены к зрителю выпуклостями, другие — вогнутостями. В самой высокой башне 15 колец-этажей, есть 12-этажные. Примыкающие к ним конструкции прямоугольной формы на два-три этажа ниже.

Здания не выровнены по линии, они хитро "разбросаны". Поэтому, подъезжая к комплексу с разных сторон, человек, находящийся в машине, видит разное количество строений. Иногда думаешь: одно здание, но, немного проехав, замечаешь, что оно "разлепляется" на два. С некоторых точек обзора видны лишь башни, но по мере движения обнаруживается, что за ними "прячется" прямоугольная конструкция. Или наоборот, сначала здание имеет сложную, составную форму, но затем прямо на глазах оно превращается в башню.

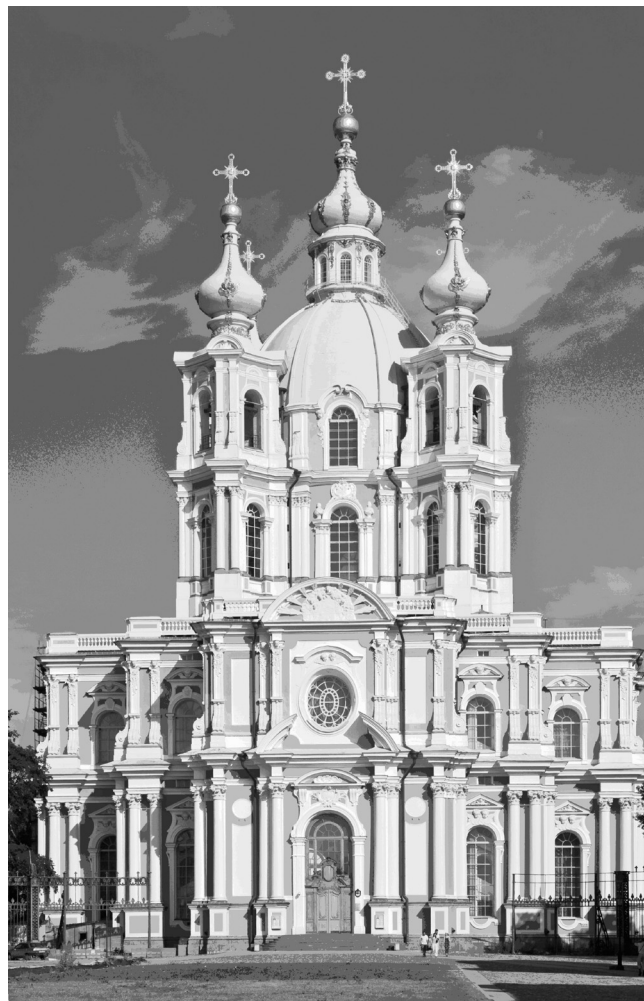
Но самое удивительное в восприятии зданий порождено их зеркальной облицовкой. Башни всегда "окрашены" в цвет неба над ними. Обычно утром и днем небо ярко-голубое, безоблачное, поэтому доминирующий цвет зданий — голубой, но при этом каждое из них имеет свой оттенок. В пасмурные дни здания серые. На закате они быстро из золотисто-красноватых "перекрашиваются" в темно-голубые, потом — в почти черные. В ночное время большинство окон остается освещенными. Здания не исчезают в темноте.

2.

Дошкольные и школьные годы, а также значительную часть студенческих лет я прожил в Ленинграде на улице Красной Конницы (теперь — Кавалергардская улица). Она начинается у Суворовского проспекта и идет к Неве. На класс старше меня и моей сестры, мы — двойняшки, училась Аня Каминская, внучка известного теоретика искусств и литературного критика Николая Николаевича Пунина. Он был репрессирован и в 1953 году погиб в заключении. Его женой была Анна Андреевна Ах-

матова, которая жила с семьей Пунина до самой смерти. С 1952-го до лета 1961-го они жили на Красной Коннице, а потом переехали в писательский доме на улице Ленина (теперь — ул. Широкая).

После окончания школы Аня и моя сестра начали учиться на искусствоведческом факультете Академии художеств, и это сблизило их. Я поступил на математико-механический факультет ЛГУ. Образовалась большая, веселая студенческая компания, зимние выходные и каникулы мы проводили в

Смольный собор

"Будке", летнем домике Ахматовой в поселке Комарово под Ленинградом.

Как-то Аня дала мне пакет с отпечатками статей одного из величайших математиков XX века Андрея Николаевича Колмогорова. Это были итоги применения идей и методов статистики и теории вероятностей в исследованиях русского стиха. Материалы были переданы Колмогоровым Ахматовой через известного лингвиста академика Виктора Максимовича Жирмунского, тоже жившего в Комарове. Мне надо было разобраться в этих статьях и "по-простому" объяснить Ахматовой их содержание.

Вскоре Аня попросила меня, скорее всего это была осень 1960 года, сопроводить Акму, так в семье звали Анну Андреевну, из "Будки" в Ленинград. Договорились с кем-то о машине и поехали. Мне кажется, что я сидел впереди, а сзади — Ахматова и ее подруга Эмма Григорьевна Герштейн, литературовед и исследователь творчества Ахматовой.

По дороге я пересказал Ахматовой то, что вычитал и понял в работах Колмогорова. Подарок Анны Андреевны за мой "труд" навсегда остался со мной. Она обратила мое внимание на то, что если ехать по Суворовскому проспекту от Невского

к Смольному собору, то это бело-голубое здание Растрелли поначалу, как и положено, приближается, а потом, вопреки законам зрительного восприятия, вдруг начинает удаляться. Не знаю, был ли этот эффект предусмотрен зодчим, но его обнаружил поэт.

От моего дома на Красной Коннице надо было немного пройти до улицы Войнова (теперь — Шпалерная), завернуть направо, и сразу был виден Смольный собор. Он не был отрезавирован, но это не лишало его аристократизма. А если прогуляться несколько минут от моего нынешнего дома до озера, то в просвете между деревьев над одно-двухэтажными домами, стоящими на противоположном берегу, можно увидеть башни "Оракла". До них — чуть более 6 километров. Иногда, ранним утром, пока туман не рассеялся, они кажутся бело-голубыми.

Правый поворот на красный свет светофора

На неделе я замешкался, наступила пятница, и тут я вспомнил, что к понедельнику должен был выслать в наш госпиталь (в российской жизни — это поликлиника и больница) одну бумагу. Все было готово, но отправлять почтой было поздно. Из-за кризиса почта не работает по субботам, значит письмо может задержаться в пути. Я решил этот документ отвезти.

Это очень близко, минут 12-15 от дома. Приятная дорога, время — начало десятого утра, утренняя нагрузка на дорогу уже спала. В одном месте пути скорость ограничена до 25 миль/час (40 км/час), нарушать никто не будет, но немного-то можно. А здесь поток идет так, что на спидометре все время ровнехонько 25 миль/час; и по соседней линии все движется с такой же скоростью. Ясно, значит что-то (не авария) сдерживает нас всех. Действительно, на одном из поворотов я заметил, что машины за три-четыре до меня идет полицейская машина. Все "тащатся" за нею, никто перегонять ее не хочет. Если у копа на спидометре 25 миль/час и это — предел скорости, то перегнать его можно лишь превысив скорость. Это каждому понятно. И вот размышления по этому поводу как-то незаметно подвели меня к следующему дорожно-социальному сюжету.

В Калифорнии и ряде других штатов страны есть очень хорошее правило уличного движения. Машина, движущаяся по первой, т.е. ближайшей к тротуару полосе, может на красном свете светофора поворачивать направо. Убедись, что слева нет потока машин и справа никто не рвется перебежать дорогу, и — вперед. Думаю, что каждый водитель понимает, насколько это удобно. Путь открыт, почему не ехать? Вообще говоря, сам водитель имеет право решать, поворачивать ему на "красный" или нет, но правила рекомендуют поворачивать, особенно в тех случаях, когда за твоей машиной выстроились для поворота другие.

Я склонен видеть в этом дорожном правиле проявление американской обыденной философии, системы организации повседневности. Можно говорить о минимизации запретов, можно — о стремлении к доминированию здравого смысла, простой разумности.

Если у человека кончилось лекарство, которое он постоянно принимает, он звонит врачу и либо оставляет на автоответчике свою просьбу, либо просит девушку, принимающую звонки, записать ее и передать врачу. Врач в специальной фармацевтической базе данных находит код этого лекарства, отыскивает там же код ближайшей к моему дому аптеки и сразу пересылает в нее рецепт на необходимое лекарство. Еще совсем недавно рецепт высылали в аптеки по факсу.

Если вы пришли в аптеку, но в силу каких-то причин вам не могут выдать прописанное врачом, сама аптека будет связываться с ним и потом позвонит вам, что бы вы пришли за лекарством.

Если вам надо отправить стандартное письмо и нет времени или желания прогуляться или досхать до установленного на улице почтового ящика, положите письмо в свой почтовый ящик. Почтальон, который приносит вам вашу ежедневную почту, открыв ваш почтовый ящик, увидит письмо и отправит его.

Когда пришло время сдать в библиотеку взятые там книги, видео — или аудио-диски, не обязательно приходиться в библиотеку в ее рабочие часы. Выезжая рано утром из дома или возвращаясь домой очень поздно, остановитесь на минуту у библиотеки и опустите ваши книги или диски в специальный ящик. Дело сделано. Более того, возвращать взятое в одной из локальных библиотек можно в любой другой, входящей в сеть из десятков библиотек, расположенных в соседних городках.

Но, помня правило правого поворота на "красный", следует еще крепче держать в памяти обязательность остановки на знаке "STOP". Что нельзя, то нельзя. Если полицейский заметит, что вы не остановились у знака или лишь имитировали остановку, не зафиксировали ее, штраф будет немалым.

Еще два примера на неукоснительность выполнения "STOP".

Несколько лет назад мои молодые друзья отмечали день рождения, скажем — 35 лет. Веселились в небольшом садике перед своим домом. Теплый вечер. Коптили рыбу, делали шашлыки, гитары: Окуджава, Высоцкий, Цой. Примерно в 23:05 у калитки появился полицейский, узнал, кто хозяин. Напомнил, что все песни, музыка должны были закончиться в 23:00, выпишал штраф и уехал. Его вызвали соседи. Они не заходили к веселившимся, не просили вести себя тише, не грозились. Они поступили по правилам и напомнили другим, что правила надо выполнять.

Я работал секьюрити в большом офисном здании. Летнее воскресенье, утро, тишина. И вдруг слышу шум воды за спиной. Поворачиваюсь в кресле и вижу через стеклянную стену, что обычно небольшой фонтан выбрасывает мощную струю воды. Звоню моему напарнику, который в это время обходит обширную территорию вокруг здания, и прошу его вернуться. Понимаю, что раньше чем через 10 минут его не будет. Беру универсальный ключ, подходящий ко всем дверям технических служб, открываю специальную комнату и перекрываю воду, поступающую в фонтан. Возвращаюсь на рабочее место, моего напарника еще нет. Гордый тем, что справился с фонтаном, звоню в службу инженера и объясняю, что было, что стало.

Через два дня меня вызвал на работу мой бригадир, бывший военный моряк, и вежливо, без надрыва, объяснил мне, какой я был идиот. Обязанности секьюрити: наблюдать, фиксировать в специальном журнале и информировать. И "STOP". Если я нарушил эти требования в данный момент, то я могу нарушить их и в других случаях. Наши добрые отношения и тот факт, что я лишь недавно стал жить в Америке, спасли меня. Никаких иных санкций не было.

Таковы основы философии повседневной американской жизни.

Утренний кофе в стане американских демократов

В Америке успешный бизнес — больше, чем бизнес. Это — политика. Иногда даже самая высокая. Сегодня — о сети кафе "Старбакс" (Starbucks), насчитывающей свыше 17 тысяч точек в почти полусотни стран. Я давно открыл для себя "Старбакс", еще тогда, когда ничего не знал об интереснейшей культурно-политической особенности этой сети. В радиусе 10-15 минут езды от меня находится несколько "Старбаксов", а до ближайшего — не более пяти минут совсем ленивой походкой.

Открывается оно, как и все кафе сети, в 5:30 утра, в это время я его не наблюдал. Но в начале восьмого — многократно. Двери впускают и выпускают посетителей, которые там почти не задерживаются: покупают стакан кофе, какую-нибудь выпечку — и быстро в машину. Совсем недалеко от кафе начинается San Mateo Bridge — мост через Сан-Францисский залив. Он

занимает 26-е место в мире по длине (протяженность — свыше 11 км). Несмотря на то, что на мосту три полосы в каждую сторону, поток машин движется медленно: пока пересечешь залив, все купленное можно съесть несколько раз. Забегают в кафе и уже съехавшие с моста; их утро началось давно, дома завтракать не было времени. Они мчатся на работу, паркуются у "Старбакса". Насладятся кофе в офисе.

Иногда, но не часто, я заглядываю в это кафе после полудня, когда солнце во всю светит и воздух сильно прогрет. Люблю расположиться на улице за каменным столиком у стены кафе. Горячий кофе, раскаленная столешница, на которую невозможно сразу положить ладони, но самое приятное — это прикосновение спиной к нагретой солнцем стене. Кто когда-либо залезал на хорошо протопленную русскую печь, тот вспомнит это чувство полного погружения в тепло.

Кофе в "Старбаксе" крепкий и очень душистый; посетителя спрашивают, оставить место для сливок или нет. Специальные лаборатории постоянно разрабатывают новые сочетания сортов, и в кафе предлагают несколько видов смесей на выбор. Все хорошо. Сидя в кафе, быстро свыкаешься с запахом кофе и начинаешь ощущать его слабо. Но мой столик находится вблизи открывающихся-закрывающихся дверей, и меня постоянно окутывают новые волны душистого воздуха. Яркое солнце, даже несмотря на плотные темные очки, заставляет прикрывать глаза. Время останавливается. Никаких мыслей. Часто испытывать этого нельзя, "подсядешь".

В одну из недавних суббот я решил посидеть внутри кафе. Было чуть более семи утра, еще прохладно. Небольшой зал, шесть квадратных и круглых столиков с двумя приставленными к ним стульями. Мебель — деревянная. Есть в зале два глубоких кресла. Поначалу посетителей было мало, но вскоре поток входящих стал плотнее выходящих, и к восьми утра все столики были заняты. Многие предпочитали сидеть на улице, особенно те, кто зашел в кафе, прогуливаясь с любимой собакой.

Были одиночные посетители, пары, молодые родители с детьми. "Старбакс" — кафе быстрого питания, здесь не задерживаются, но в субботнее утро люди не торопятся. Здесь главное — кофе, но есть любители чая со льдом. Можно купить булочку или кекс. Нередко посетители приходят с бумажным пакетом. Значит они уже зашли в расположенное рядом кафе сети "Ноас" (Noah's New York Bagels) и купили всегда свежайшие бейгелы — еврейские бублики. Об этом бизнесе надо рассказывать специально: первое кафе этой сети было создано в 1990 г. в Беркли, куда и ведет San Mateo Bridge, ортодоксальным евреем Ноем Алпером. "Бубличные" оказались настолько успешным бизнесом, что в 1995 г. создававшаяся сеть была им продана за 100 миллионов.

В среднем посещение кафе обходится в 6 долларов, по американским понятиям это недорого, но есть кафе подешевле. Согласно репрезентативному опросу, проведенному фирмой "Расмуссен" в августе 2008 г., три четверти (73%) американцев считают, что несколько переплачивают "Старбаксу" за предоставляемые услуги. Эти кафе расположены на углах многих улиц главных городов страны, но лишь 8% опрошенных заходят в них по крайней мере раз в неделю, а 76% — редко или никогда. 80% посещают "Старбакс", чтобы выпить кофе, и только 5% — чтобы поесть. Есть еще одна цель — бесплатно воспользоваться беспроводным Интернетом; для более трети (37%) мужчин до 40 лет — это первичная причина посещения кафе этой сети. Четверым из десяти взрослых (38%) нравится эта сеть кафе, 27% высказывают противоположное мнение.

Среди зарабатывающих менее 20 тыс. долларов в год примерно треть (30%) положительно относятся к "Старбаксу", в группе, чей доход превышает 100 тыс. долларов в год, таких более половины (54%).

В будние дни преобладающая часть посетителей "моего Старбакса" одета по-деловому. Строгий стиль одежды, добротная обувь, хорошая стрижка, дорогой парфюм. Это — сотруд-

ники расположенных рядом четырех огромных зданий глобальной корпорации "Visa", местного филиала "Microsoft" и других солидных компаний. Они заходят в кафе небольшими группами, но не засиживаются там. Со стаканами кофе и какой-нибудь булочкой неспешно возвращаются в свои офисы. В раннее субботнее утро обстановка в кафе совсем иная. Те же люди, но теперь по их одежде сложно сказать, к какой социальной страте они принадлежат и каков их доход. Почти все в джинсах или шортах, майках или джемперах, в сандалиях или кроссовках, чаще — на босу ногу. Так одеваются и весьма состоятельные, и те, чей доход невелик.

Однако не нужно быть физиономистом, чтобы распознать в доминирующей части посетителей "Старбакса", как бы они ни были одеты, образованных, либерально-настроенных, в целом успешных людей, не участвующих активно в политике, но имеющих свое собственное отношение к происходящему в стране. Не знаю, дух ли "Старбакса" объединяет их или они сами создают особую социальную атмосферу этой сети кафе. Сначала я сам уловил, почувствовал эту особенность "Старбакса" и — не только из-за любви к кофе — стал присматриваться к этим кафе; летом 2008 г. мои ощущения получили "цифровое оформление".

В феврале 2008 г. я оказался втянутым в мониторинг американской президентской избирательной кампании. Я с самого раннего утра входил в электронную паутину и с трудом выбирался из нее вечером. Существовало множество сайтов, за материалами которых следовало постоянно наблюдать, одни ежедневно размещали результаты последних опросов электората, другие — предлагали политологический анализ событий в стране. Были и дайджесты, моментально публиковавшие горячий материал других сайтов.

В октябре 2007 г. никому не известный аналитик под псевдонимом Poblano начал публиковать на одном из активно посещаемых политических блогов свои рассуждения о новых подходах к анализу статистики электоральных опросов. Исходно многих привлекла его методология, затем — успешные предсказания результатов первичных выборов. В марте 2008 года он открыл свой сайт <FiveThirtyEight.com>, описал разработанный им метод и приступил к систематическому прогнозированию исходов первичных демократических выборов. Его оценки часто были точнее предлагавшихся известными специалистами. Так возникли понятия Poblano-модель и Poblano-эффект.

30 мая 2008 года маска была снята, Poblano — это Нэйт Сильвер, молодой (Nate Silver, род. 1978) политический обозреватель и экономист, выпускник Чикагского университета. В раннем детстве он увлекся бейсбольной статистикой, уже к середине 2000-х считался гуру в области прогнозирования успешности выступления бейсболистов. Для миллионов американцев это много интереснее, чем президентские выборы.

Помимо ежедневного уточнения прогноза числа выборщиков, которых могут приобрести в день голосования Барак Обама и Джон Маккейн, Сильвером каждый день вычислялись вероятности развития различных исходов избирательной кампании. В таблице представлены вероятности нескольких вариантов завершения борьбы за Белый дом, вычисленные во второй половине октября.

Выводы Сильвера вскоре были признаны американскими средствами массовой информации, его обзоры публиковали "Wall Street Journal", "Newsweek" и другие известные издания, в прайм-тайм с ним беседовали ведущие крупнейших общенациональных телевизионных каналов. В начале 2009 года журнал "Time" включил его в сотню влиятельнейших людей мира по разделу "Ученые и мыслители".

Рассмотрению прогнозной модели Сильвера предпослано одну личную историю. В ходе мониторинга я быстро распознал смысл построений Сильвера и стал посещать его сайт ежедневно. В начале мая 2009 года я обнаружил, что его отец —

Вероятности завершения президентской избирательной кампании 2008 года, октябрь (%)

	13 октября	25 октября	31 октября
Одинаковое число выборщиков	0,19	0,22	0,07
Обама победит на общих выборах	89,36	94,16	96,08
Маккейн победит на общих выборах	10,64	5,84	3,92
Обама победит во всех штатах, где в 2004 году побеждал Керри	90,19	93,16	97,71
Маккейн победит во всех штатах, где в 2004 году побеждал Буш	0,38	0,33	0,03
Будет полностью повторен сценарий 2004 года (Буш - Керри)	0,00	0,04	0,00
Будет полностью повторен сценарий 2000 года (Буш - Гор)	0,18	0,27	0,01

профессор Мичиганского университета, Брайн Сильвер, политолог, изучающий Россию и Эстонию. Я отправил ему электронное послание с просьбой поговорить с ним о его сыне. Через пару дней звоню профессору того же университета Владимиру Шляпентоху, с которым дружен свыше сорока лет, и рассказываю ему о гениальном сыне его коллеги Сильвера. Весьма экспрессивный Владимир говорит мне: "Боря, что-то ты не то говоришь. Я помню, как был у Брайна дома, и он кормил с ложки сидящего на высоком стуле малыша". Посчитали годы, и Шляпентох пришел к выводу, что тот малыш уже сильно подрос. Через неделю Владимир позвонил мне и сказал, что встретил профессора Сильвера, тот получил мое письмо и собирается ответить на него. Пока ответа я не получил...

Информационную базу прогнозной (регрессионной) модели Нэйта Сильвера составляют данные регулярных, в том числе — ежедневных опросов электората, проводившихся многими полстерскими организациями по общенациональным выборкам и внутри всех штатов страны. Все эти данные специальным образом "взвешивались". Во-первых, по мере старения результатов опросов, их "вес" при расчете прогноза исхода выборов уменьшался. Во-вторых, в модели учитывалось качество прогнозов, делавшихся отдельными полстерскими организациями в период первичных выборов. Подобный мониторинг осуществляется крупнейшей в стране независимой, внепартийной исследовательской фирмой SurveyUSA.

При построении модели учитываются значения 23 показателей, характеризующие электорат и некоторые особенности инфраструктуры штата. Все они, кроме одного, достаточно традиционны, приведу несколько примеров. К политическим показателям относятся: "Преимущество (%) Буша на выборах 2004 года в данном штате", "Отношение "либерал/консерватор" (шкала Лайкерта), опросы на выходе с избирательных участков в 2004 году", "участие (%) на выборах 2004 года". Среди демографических (%): "афроамериканцы", "мужчины", "молодежь (18-29 лет)". Показатели экономики штата: "годовой доход на человека, (тыс. \$)", "уровень безработицы, (%)". Вот три показателя из группы, условно названной "общесоциальной": "Имеющие родителей — американцев, (%)", "владельцы оружия, (%)", "однополые семьи (%)".

И есть один необычный показатель, это — *"Старбакс-Уолмарт соотношение"*.

О сети "Старбакс" немного сказано выше. "Уолмарт" (Walmart) — крупнейшая в мире сеть розничной торговли, продающей по дешевым ценам продукты питания и огромное число различных товаров. Две трети американцев (64%) позитивно относятся к этой сети, треть (30%) — хотя бы раз в неделю делают покупки в "Уолмарте" и половина (52%) — считают, что наличие магазина этой сети в их комьюнити положительно влияет на жизнь людей, хотя и затрудняет существование малого бизнеса.

Стечение многих социально-экономических обстоятельств и особенности этих бизнесов были таковы, что сеть "Старбакс" активно развивалась и сейчас широко охватывает штаты, в которых традиционно высока поддержка кандидатов в президенты от Демократической партии, а сеть "Уолмарт" — штаты, где

доминируют позиции республиканцев. Эксперименты Сильвера показали, что использование в его прогностической модели "Старбакс-Уолмарт отношения" (число кафе "Старбакс" к числу магазинов "Уолмарт" в штате), повышает предсказательную силу его построений.

Сеть "Старбакс" родилась в штате Вашингтон. Сейчас в нем 13,65 кафе приходится на один магазин системы "Уолмарт". На втором месте — Калифорния (я живу в этом штате). У нас значение рассматриваемого отношения равно 12,48. Третий — Орегон (8,38). В 2008 году эти штаты проголосовали за Барака Обаму.

Родиною сети "Уолмарт" является штат Арканзас. Для него значение рассматриваемого отношения минимально (0,19) — нижняя, 50-я ступенька. На 49-й и 48-й располагались штаты Миссисипи и Западная Вирджиния, соответственно. Там в 2008 году победил Джон Маккейн.

В 2000 году в политический язык Америки вошли понятия "синих" и "красных" штатов. В первых — в ходе последних пяти президентских выборов, начиная с 1992 года, преимущественно побеждали кандидаты от Демократической партии, во вторых победу чаще праздновали республиканцы. Анализ показывает, что "старбаксовы" Вашингтон, Калифорния и Орегон относятся к "синим" штатам, Миссисипи — "красный". Аризону и Западную Вирджинию причисляют к промежуточному классу "фиолетовых", но они тяготеют к республиканцам. Сказанное позволило одному политологу заметить: забудьте про "красные" и "синие" штаты. Для политического прогноза важнее знать отношение "Старбакс-Уолмарт" для каждого штата.

Сильвер точно предсказал исход голосования по стране в целом и в 49 из 50 штатов. Я тоже голосовал за Обаму.

Теперь я рассматриваю мои посещения "Старбакса" и как наблюдения за демократическим электоратом. Но все же, прежде всего, я иду туда, чтобы, сидя под горячим солнцем, выпить стакан горячего и душистого кофе.

Почти пропавший сюжет. Отбор в присяжные

Моя радость от случившегося пару часов назад слегка омрачена лишь тем, что не получится написать тот сюжет, который я планировал сделать в ближайшие дни. Однако что-то из задуманного изложено ниже...

Месяц или чуть более назад я получил, если сказать по-русски, повестку о том, что в пятницу 11 сентября этого года в 8:30 утра я должен быть в суде нашего округа для отбора присяжных; быть присяжным — обязанность каждого гражданина США. Возможно, кто-либо радуется этому, если пройдешь все испытания, то можно будет сколько-то дней не работать, но — думаю — большинство — не испытывает большой радости. Приходится пропускать работу, переносить командировку, улаживать какие-то дела дома, да и вообще.

Прежде чем собираться завтра утром в путь, я должен был сегодня после 6 вечера позвонить в суд или зайти на его сайт, чтобы узнать, нет ли каких изменений. Они часто случаются, например, дело, в котором мне, возможно, пришлось бы участвовать, было отложено... или, скажем, судья заболел.

Я позвонил, попал, как и предполагал, на автоматическую систему. После нажатия ряда цифр, которые мне предлагались приятным мужским голосом, мне сообщили, что завтрашнее приглашение отменяется, и пообещали обратиться ко мне снова через 12 месяцев. Ух, пронесло. А что было бы, если бы завтра утром я туда отправился? В целом, я знаю, имею некоторый опыт.

Приехать надо было бы не в 8:30, а минут на 15 раньше, иначе намучаешься с парковкой. Она, хотя и огромная, но место на ней всегда найти сложно. Затем я вошел бы в здание суда и прежде всего подвергся бы той же процедуре досмотра, что и в аэропорту: мои вещи были бы просканированы, а я, освободившись от обуви, брючного ремня, мелочи и ключей в карманах, прошел бы через рамку.

Думаю, здесь никаких проблем у меня не возникло бы. После контроля, служащий, посмотрев мое приглашение, сказал бы, в какой зал я должен пройти. Это было бы большое помещение, у дверей за конторкой сидел бы сотрудник, я отдал бы ему мое приглашение, он ввел бы его номер в компьютер и, тем самым, зарегистрировал бы меня. В каком-либо углу находился бы стол с пакетиками чая, кофе и какао, а рядом — титан с кипятком. Это — всегда, не только утром. Вдоль стен на столах стояли бы компьютеры для публики. Кто знает, может придется долго ждать, когда придет сотрудник суда и объявит всем нам, что будет дальше. Хотя многие придут с ноутбуками, кто-то будет без них. Тогда можно поработать на общих компьютерах. Залезть в Интернет, получить новости, отправить электронное послание.

Думаю, что между девятым и половиной десятого утра пришел бы клерк. Возможно, он объявил бы, что все собравшиеся — свободны, так как что-то стряслось в последний момент. Каждому присутствующему дали бы справку о том, что он утром он был в суде. Через три-четыре минуты зал был бы свободным, а на парковке — много свободных мест.

Но может быть и иначе, он пригласит всех в большой зал. Думаю, там будет не менее ста человек, все рассядутся, и вскоре на возвышении перед нами появится судья в мантии и секретарь суда. Всем предложат встать, потом сесть. Потом секретарь будет называть фамилии присутствующих, а мы — вставать и отвечать "Yes". Это займет много времени, так как будут не только распространенные американские фамилии, но и китайские, японские, индийские. Произнесение моей фамилии — Doktorov, записанной через "K", тоже может оказать проблемой.

И все же это закончится. Теперь — все напряжены, судья скажет несколько общих слов о гражданских обязанностях собравшихся, а затем секретарь начнет зачитывать по какому правилу или на основе случайной выборки отобраны фамилии для формирования коллегии присяжных. Будут называть фамилию и спрашивать, можешь ли работать. Вопрос не совсем формальный, так как исполнение обязанностей присяжного требует определенного знания английского. Самая первая возможность "спрыгнуть", заявить, что ничего не понимаешь по-английски, но и суд это знает, и они как-то легко определяют, дуриет ли их человек или действительно не знает. За полчаса они отберут человек 50, объявят перерыв. Не попавшие в эту полусотню получат справки о том, что были в суде, а "меченые" вернуться в зал.

Я это все описываю подробно, потому что все прошел.

После перерыва процедура отбора присяжных продолжится. Отберут 12 человек, это — основные кандидаты в присяжные, и еще 12 — это первые запасные и все оставшиеся — запасные второго уровня.

Вскоре основным присяжным предложат занять свои места, это кресла у боковой стены справа от судьи, вторые 12 будут сидеть в первом ряду зала, оставшиеся — в зале, где угодно.

Примерно год назад я попал в первую дюжину, честно, никакого экстаза я не испытывал. Думал об одном, как сойти с дистанции. Понимаю, это не очень хорошо, но так было.

Сначала каждому из нас задали еще раз вопрос о знании английского, а потом предложили кратко рассказать о себе. Здесь важно, чтобы сам человек никак не соотносился с судебной системой, полицией и тому подобное, и чтобы в семье не было профессионалов. Бумаг никаких предоставлять не надо, верят сказанному. Мое сообщение о том, что я живу в США недолго и английский — мой второй язык, было выслушано без же-

лательного для меня последствия. Опросив таким образом всех из нашей дюжины, суд освободил одного-двух человек, заменил их представителями второй дюжины и затем начал опрашивать их. Там тоже оказалось несколько человек, которым судья не мог доверить участие в суде. Их отпустили, и опросив оставшихся, дополнили ими вторую дюжину присяжных. Ясно, что после этого всех нас отпустили по домам, наказав на следующий день быть в определенное время и уже не в майках и джинсах, а в более строгой одежде.

На следующий день мы все собрались: судья, секретарь, слева — полицейский. Около судейского возвышения — стол, за ним: прокурор, следователь и обвиняемый с адвокатом, 12 человек — справа от судьи, еще 12 — в зале на переднем ряду, оставшиеся — где-то в глубине зала. Нам объяснили суть дела: обвиняемый — молодой парень, выходец из Латинской Америки, начал поколачивать свою подругу, с которой он жил уже несколько лет, она и подала на него в суд.

Затем к основной группе присяжных подошел адвокат и в присутствии всех стал спрашивать у каждого, как он воспринимает это дело. Я сказал, что суть дела мне понятна, что вижу его социальную направленность. По глазам адвоката я понял, что это его не настроило против меня, с его стороны отвода не будет. Слушая других, я все более задумывался, как сделать так, чтобы меня освободили. Слышу, что одна женщина из нашей группы, латинос, говорит, что она возмущена поведением парня, что это не отвечает требованиям религии, что она будет против. Ее сразу же ответили: она продемонстрировала заинтересованность в определенном исходе процесса. Здесь и я смекнул, как быть.

После перерыва с нами начал говорить прокурор. Дошла очередь до меня, я говорю: "Знаете, в России, откуда я приехал, говорят, бьет, значит любит. Если бы у нас каждая женщина, которую бьет муж или друг обращалась в суд, работа судов была бы приостановлена". Он попросил меня пояснить еще раз мою точку зрения и обратился к судье с просьбой заменить меня другим кандидатом.

Кто знает, может быть, если бы завтра мне пришлось участвовать в процедуре отбора присяжных, я был бы включен в финальную группу и мог бы описать, как работают присяжные, но завтра я свободен. Всех, кто получил приглашение, в левом нижнем углу которого было написано Juror Group Number: 5000, просили не приезжать утром. Потому и моя история заканчивается.

Sand Hill Road — новая дорога между будущим и прошлым

В заголовке этой "повестушки" каждое слово надо понимать буквально, хотя все вместе они порождают множество различных метафорических ассоциаций. Sand Hill Road — короткая улица, которая ограничивает с севера-запада территорию всемирно известного Стэнфордского университета. Один ее конец упирается в идущую параллельно линии Тихого океана 1000-километровую улицу (или локальное шоссе) El Camino Real (по испански — "Королевская дорога"), а другой — уходит в невысокие горы, стоящие на пути океанских ветров. Там улица Sand Hill Road выводит на 100-километровый хайвей-280, по которому можно быстро добраться до Сан-Франциско или, если ехать в противоположном направлении, вскоре оказаться в центре Силиконовой долины. Конечно, все условно, но значительный отрезок этого скоростного шоссе называют красивейшим в мире хайвеем.

Противопоставление будущего и прошлого — многолико, к примеру, для одних, будущее — прекрасно, а прошлое — ужасно. Для других — наоборот. В данном случае я рассматриваю будущее и прошлое лишь как временные категории: то, что будет и что было.

Весьма конкретно и понятие "новая дорога". Даже я, живущий здесь с 1994 года, помню, когда она была иной. Название

Sand Hill Road. Ничего не видно. Все утопает в зелени

Sand Hill Road — старое, но тогда улица была несколько короче, и чтобы попасть на нее с магистрали El Camino Real, надо было сделать приличный крюк. Экологи и население городка Менло Парк, в котором расположен университет, не соглашались со строительством нового куска дороги, полагая, что это нанесет вред окружающей среде. Переговоры о том, чтобы его построить, продолжались около 30 лет, и в ее современном виде улица существует лишь с 2006 года.

Человек, проезжающей по тихой и ухоженной Sand Hill Road, скорее всего не знает, что на ней располагаются крупнейшие в мире инвестиционные (венчурные) кампании, обеспечивающие развитие Силиконовой долины. В 90-х годах, в период dotcom-бума, стоимость недвижимости на этой улице была выше, чем где-либо в мире. В середине нулевых средняя стоимость аренды помещений здесь была 1550 долларов за квадратный метр, выше, чем в Манхэттене или в деловом центре Лондона. На улице не просто нет ничего гламурного, привлекающего внимание, с нее вообще почти не видны никакие здания. Все и всегда утопает в густой зелени деревьев и кустарника.

Так случилось, что для себя я открыл эту обновленную улицу летом 2009 года, когда стал регулярно ездить по ней в Медицинский центр Стэнфордского университета, одну из лучших клиник США. Зайдя как-то выпить стакан кофе в новый хирургический центр, а потом побывав в одной — явно не самой крупной — из операционных, я был почти в шоке: я увидел организацию медицины в XXI веке. Медицинский центр расположен в нижней части Sand Hill Road, но красивая зелень и горы, просматривавшиеся в верхнем конце улицы, притягивали к себе.

Проехав просто из интереса почти всю эту улицу, я начал понимать, что на ней формируется будущее. Оно рождается работающими на ней венчурными капиталистами — элитой современного бизнеса, образованной и любящей риск, инвестирующей огромные капиталы в индустрии нового столетия: создание хадвера и софтвера, развитие Интернета, "зеленых" технологий, телекоммуникации, электроники и медицины. К примеру, по адресу 3000 Sand Hill Road расположен главный офис глобальной Sequoia Capital, признаваемой одной из крупнейших в мире венчурных фирм. Именно она в свое время нашла и поддержала крошечные компании, имена которых теперь известны всюду, где пользуются компьютерами, а проще и точнее — всюду: Apple, YouTube, Cisco Systems, Oracle, Yahoo! и другие. В июне 1999 года эта компания и ее сосед по улице Kleiner, Perkins, Caufield & Byers помогли двум вундеркиндам — Ларри Пейджу и Сергею Брину. В сентябре 1997 года они зарегистрировали домен google.com, а через год основали в гараже, который арендовала для них будущая жена Брина, фирму Google Inc.

На этой же улице расположен мощный маяк, освещающий множество дорог в будущее. Это — Стэнфордский Центр, объединяющий линейный коллайдер, самый длинный в мире линейный ускоритель и множество лабораторий и проектов, в

которых физиками и астрофизиками, химиками, биологами и медиками США и всего мира проводятся суперсовременные теоретические и экспериментальные исследования. Трое физиков и один биохимик, работавшие здесь, стали Нобелевскими лауреатами.

Сказанное объясняет, что на Sand Hill Road, действительно, рождается будущее. А где место прошлому? Здесь же, рядом. Время поездки вдоль всей улицы — не больше 10 минут. Уходя в горы, она вливается в Alpine Rd. Проехав еще и по ней три минуты, надо повернуть направо, на узкую проселочную дорогу. Но только знающий человек не проскочит ее, она не отмечена на картах Гугла, и ее не знает GPS. На обочине Alpine Road у начала этой "странной" дороги стоит обычный деревянный столб, и на прибитой к нему небольшой дощечке масляной краской написано Webb Ranch. Это и есть вход в прошлое.

В 1922 году Джордж Уэбб взял в аренду у Стэнфордского университета 16 га земли, чтобы недалеко от Сан-Франциско выращивать для рынка клубнику. В конце 20-х он перевез туда свою семью и увеличил арендованный участок до 130 га. До начала шестидесятых он, а потом его сын специализировались на клубнике, но потом диверсифицировали продукцию и стали выращивать кукурузу, помидоры, бобы, различные овощи. Безусловно, в наше время никакой "химии" там не используется, производится лишь чистая продукция. По итогам 2009 года, ранчо Уэббов было первым в нашей округе по продаже тыкв накануне Холлоуина и по продаже елок в преддверии Рождества. Сейчас всем делом руководит Гари Уэбб — внук основателя бизнеса. На ранчо живет уже пятое поколение этой семьи, и все вместе они сохраняют традиции в производстве продуктов и высоко ценят дружеские отношения с наемными рабочими, живущими там бесплатно. Так, старейший рабочий ранчо работает на семью Уэббов 42 года и вырастил там 12 детей.

В 1960 году на Webb Ranch стали держать лошадей, чтобы люди могли приехать, освоить навыки езды и получать радость от таких прогулок. Сейчас там содержится до 250 лошадей, и за прошедшие годы уже сформировалось несколько поколений всадников. За многие десятилетия на ранчо сложилась особая атмосфера открытости и дружелюбия. Все это я узнал после того, как моя внучка решила учиться ездить на лошадях, и мы стали бывать там.

Как только въезжаешь на проселочную дорогу и сбрасываешь скорость до предписанных 5-10 км/час, сразу оказываешься в прошлом. Дорога зажата между полями кукурузы, всюду стоят деревянные загородки, лошади бродят на привязи, пыль над дорогой, поднятая проезжающей машиной, деревянные загоны для лошадей и сараи для сена... запахи полей и навоза.

Тишина. Отсутствие торопливости. Чувствуешь атмосферу некоей патриархальности и начинаешь ощущать свою отнесенность к большой сельской семье. Детей, не представляющих, что жить можно без Интернета и мобильного телефона, учат чему-то естественному, но забытому — езде на лошадях и

Въезд на Webb Ranch, или дорога в прошлое

уходу за ними. Это все им нравится, у них блестят глаза, и они не хотят уходить. Существует двухлетняя очередь на то, чтобы стать волонтером и ухаживать за лошадьми.

Сейчас — лето, жарко. Родители сидят в тени навеса и ждут окончания урока. Негромкие разговоры ни о чем, почти не смотрят на часы. Время течет иначе, чем в мире, из которого люди приехали и в который они вернутся через час-полтора.

Я задумываюсь, почему Sand Hill Road — одна из самых дорогих в мире. Так случилось? Или это знак того, что путешествие из будущего в прошлое — редкое и дорогое путешествие.

"Солярис-101"

Общественная Хайвей-101 (U.S. Highway 101) является главной американской дорогой, идущей с севера на юг вдоль Тихого океана. Она начинается в штате Вашингтон, продолжается в Орегоне, затем входит в Северную Калифорнию, заходит в Сан-Франциско, пересекает Кремниевую долину и завершается в центре Лос-Анжелеса. Общая протяженность дороги — 2378 км. В разных местах она имеет свои имена. В Орегоне ее называют Прибрежным орегонским хайвеем, в некоторых частях Калифорнии — Тихоокеанским хайвеем, на юге Калифорнии — уважительно "the 101", в северной части — менее официально "101", или "ван-оу-ван".

Дорога — уникальна. Параллельных ей скоростных путей в штате нет. Пока не существовало "живой карты" Google и GPS, прежде чем ехать куда-либо, приходилось звонить и спрашивать, как добраться. Ответ практически всегда включал: "take one-oh-one", то есть "выезжайте на Хайвей-101".

Уже через несколько минут после въезда на хайвей чувствуешь себя членом бесконтактной общности, объединенной тем, что в данный момент все оказались в одном месте и движутся в одном направлении. Все личное отходит на задний план, отношения всех подчиняются лишь правилам движения и здравому смыслу. При сильном дожде, шторме, когда в метре от машины ничего не видно, у всех включены фары и все держат между машинами большую, чем обычно, дистанцию. Если солнце стоит по ходу движения, то оно ослепляет всех. В утреннем трафике рядом медленно движутся дорогие новые машины и давно устаревшие модели, нервничают и миллионеры, и безработные. Когда впереди идущие машины начинают притормаживать, то следующие за ними тоже вынуждены тормозить, даже если кто-то опаздывает. Если "пробка" рассосалась, то постепенно набирают скорость все машины, хотя, возможно, кто-то и не торопится.

В тот вечер, о котором я хочу рассказать, я не предполагал оказаться на "ван-оу-ван"; я промчался по нему днем, когда спешил к моему другу в сауну. Посидели там полтора-два часа, поговорили, попили пива, а у него дома нас уже ждал обед. Непременная селедка с луком, квашеная капуста, горячая картошка, ветчина и многое другое. Затем — первое, второе и чай. И, конечно же, выпивали: я в последнее время предпочитаю коньяк или виски, мой друг — водку. Опрокинули "за встречу", "за успе-

хи в делах", за хозяйку дома, ну и еще несколько обязательных тостов. Такие встречи у нас происходят несколько раз за весну-лето. Осень-зиму мой друг проводит в России, он читает курс судоходной астрономии в Мурманском государственном техническом университете.

Обычно я не тороплюсь покидать эту гостеприимную семью, да и пью я немного, но все равно после сауны и доброго застолья предпочитаю возвращаться домой по El Camino Real — неспешной локальной дороге, идущей недалеко от хайвея параллельно ему. Конечно, этот "маневр" не предохраняет от встречи с полицией, но все же так ехать спокойнее. Но в тот раз я почему-то поехал по "ван-оу-ван".

Мой путь начинался в одном из известных городков Кремниевой долины — Маунтин-Вью, в котором, к примеру, расположены один из исследовательских центров НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства), фирма Google и ряд других кампаний из перечня 1000 крупнейших американских бизнесов. Я быстро добрался до хайвея, перешел на вторую или третью линию, по которой ехать много удобнее и безопаснее, осмотрелся и поехал домой. Днем обычная скорость — 60-65 миль/час (100 км/час или немного больше), вечером я стараюсь не превышать 60 миль/час.

Было часов 7-8 вечера, солнце уже зашло, в машине и без кондиционера не было жарко, можно было включить радиоприемник и слушать музыку. Обычно он у меня поставлен на "классику", и поэтому искать волну при управлении машиной не приходится.

Гладкое покрытие хайвея, хороший обзор дороги, ровная скорость, красивая музыка, относительно небольшое количество машин, движущихся впереди, сзади и по бокам. Путь от Маунтин-Вью до моего Фостер-Сити недолго, даже вечером около получаса, проходит он мимо семи небольших городков с несколькими гипнотизирующими названиями: Пало-Альто, Стэнфорд, Менло-Парк, Атертон, Редвуд-Сити, Сан-Карлос, Бельмонт... Все это успокаивало, расслабляло, настраивало на философско-романтические, полуфантастические размышления. Когда дорога поднялась на невысокий холм, открылось какое-то метафизическое зрелище: в полнейшей темноте были различимы лишь несколько машин, идущих непосредственно передо мною, а дальше — линия движущихся автомобильных огней, тянущаяся до горизонта. И вдруг я почувствовал, что существую лишь как часть бесконечного потока машин, как часть дороги и звездного неба. Мое собственное "я" куда-то исчезло.

Я понимал также, что в этот момент огромное число машин ехало по этому же хайвею, и внутри каждой кто-то думал о своем, в салоне играла понятная этим людям музыка, каждый жил своей жизнью. Но вместе с тем нас всех связывал этот Тихоокеанский хайвей. Он не просто шел вдоль океана, он сам и был земным океаном. Мыслящим. Разумным. Это был "Солярис-101".

Я не должен был быть в тот момент на хайвее, но оказался. Это он меня позвал. Чтобы открыться мне.

К собранию эссе Б. Докторова "Правый поворот на красный свет светофора"

...И опять новый жанр на страницах "Телескопа"! Жанр-кентавр, я бы определил его как лирико-социологический. Борис Докторов — математик "по происхождению", социолог по призванию, на этот раз окончательно разрушает границу между "физикой" и "лирикой". Примечательно, однако, как он это делает.

Прежде всего, это проза "настроения", а не описания, переживания, а не анализа, причастности, а не деяния. Автор всматривается, вслушивается, вдыхает мир вокруг себя и дарит этот мир, вроде далекий нам, уже как понятный и близкий. Причем же тут

социология? А при том, что в свободном полете памяти и чувства, ну, никак не обойтись автору без строгой фиксации обстоятельств места, времени, встреч на "хайвее" и на "обочине" жизни, и каждое его эссе — оно же "случай", кейс, когда "один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка" (Ясунари Кавабата).

И вот оказывается, что прочитав эту полдюжины зарисовок, я узнал про стиль, и дух, и, может быть, даже смысл "не нашей" жизни, больше, чем если бы побывал там. Надо прожить в Калифорнии 6 тыс. дней, чтобы так рассказать о ней в себе и о себе в ней.

Андрей Алексеев. 15.11.2010.